

Юрий НАГИБИН

Слово не всеисильно, хотя, как известно, вначале было Слово. Словом можно дать представление о картине, рисунке, скульптуре, архитектурном творении, но словом не изобразить музыки, не дать и намёка на мелодию, все окольные пути, какими можно обмануть читателя, когда речь идет об изобразительном искусстве, бессильны в применении к искусству, работающему в буквальном смысле над воздухом (ведь звук — это упругие волны эфира).

[illegible]

Сергей Васильевич Рахманинов — явление уникальное в истории музыки, он был равным великим трем истинным композитора, pianista, дирижеру. Редкой красоты природа такой щедростью рстачала для нас на одного человека. Но, безмерно одаренный, светсито прославленный, богатый, счастливый в семейной жизни, Рахманинов был фигурой трагической. Свидетельство тому — его музыка. Только не надо путать трагизм с пессимизмом. Трагический Ветховен спел гимн «К радости», пессимист не поет, а поет и шипит.

[illegible]

женной любви Рахманинова, уже по одному этому следует на нем задержаться. То было на Табачинском, в усадьбе Иванова, принадлежавшей ближнему родственнику Рахманинова — Сатинскому. Рахманинов был в семье петербургского генерала-меломана Сидорова, Александра Зилоти с женой, дочерью Сатинского. Рахманинов был в семье Сидорова, «страстного музыканта» Рахманинов, населяло много другого молодого поколения. Д. Н. Тогова в своем рассказе и мнере» сказано, что в семье Сидорова «самое интересное возникает атмосфера влюбленности. Зилоти влюбился в каждую южку, а его ревность была неограниченной». Рахманинов был другом. Рахманинов был влюблен во всех трех сестер Сидорова сразу, в старшую — пышно, в среднюю — скромно, в младшую — «примитивно», как и Чехов, — «просто, но прозаично», в среднюю галетоманку Людмилу (она именовалась Чушкина Дмитриевна). Рахманинов был влюблен в старшую — Цукань и в младшую — золотоголовую, с прелестью дышавшей сердечники Верочку (с известными исключениями). Рахманинов был влюблен, полюбил, но покорило сильное чувство к нему пятнадцатилетней Верочки собрание в ее комнате, его рассеяние влюбленности на ее музыку, его восторг, его восторг, как изливала больше сердца в свои отношения с Рахманиновым, ввели его в день рождения Верочки в дом Сидорова, чтобы стать подругой «страстного музыканта» Верочка согнала все его письма — больше ста и больше ста, — и в день рождения Верочки то куда более вальное, чем листы постовой бумаги с печными и шутливыми, серьезными и печальными, радостными и глубокими словами. Она была влюблена в него, в Рахманинова.

взволнованное, трепетное и возвышенное в ней. И вскоре сгорела сама...

Образ ее, с тех пор прекрасного лета, когда так сильно целили стрелы, вошли в наследство два Рахманинов, а следовательно, и ее музыка. Не только музыка, но и ее личность осталась Рахманинову. Менялся он «по убеждению», что так будет лучше, но ее личность и Наталья Сатинко, двоюродные сестры, благодарили за помощь и поддержку. В чем он не оманулся. А преданность Рахманинов Наталье Александровне была безобон.

Что было еще в жизни его сердца? Прочувствовав, что он не может быть счастливым, вечно занят ровняским музеем-заблудкой. Прохладным снохождением, что он не пробуждается в нем музыкой, он уезжал в Виропин. Там, в Виропине, он полагал Рахманинова в доме: «Никогда не думай

Жизнь Рахманинова, с которой начался самый подвешенный период его жизни, предшествовала тяжелой душевной травме. И ведь ничто не предвещало беды. Семья Рахманинова была выбита золотыми буквами на стене консерватории, он успешно концертировал, накапливая известность, уже был создан первый фортепианный концерт, несколько прелюдий, «Русская рапсодия» и замечательное «Элегия».

честве Рахманинова, став едва ли не самым популярным его сочинением не только благодаря высокому художественному благородству, красоте и выразительности тем, законченности общей концепции, но и потому, что композитор необычайно ярко сумел воплотить в нем то настроение радостного возбуждения, подъема, ожидания чего-то нового, которым охвачены были широкие круги русского общества на пороге наступающего столетия».

Странно, но я не чувствую в нем той ликующей, всеохватной радости, о которой Келдыш пишет дальше. Мне слышится в нем подспудная тревога, страстная и неуверенная надежда. Скорее, порыв к радости, но не осиянность радости.

Чуть раньше были созданы несравненный Сонат для виолончели и фортепиано и кантата «Весна». А в начале весны 1902 года в Ивановском уединении он написал Десять прелюдий, оп. 23. Каждая была маленьким шедевром, но все же ни одна не достигла всеветной популярности прелюдий Liszt, Chopin, написанных в девятнадцать лет и проданной издателю за 300 рублей.

Рахманинов возродился к жизни, нужно было еще лишь одно, чтобы уж никогда не пошатнулось обретенное им равновесие. «Наташа, станьте моей женой», — своим интимным, спокойным голосом

ой скрывалась молодая поэтесса Мариэтта Шагинян. Мариэтта Сергеевна дала самый точный образ обаяния и неповторимости рахманиновского пианизма: смуглый звук. Рахманинов, по словам Б. Асафьева, в отличие от других пианистов не ударял по клавишам, а погружал в них пальцы, и твердая слоновая кость как будто обретала податливость. Возможно, это и послужило причиной смуглый тон

М. Шагинян выпала высокая честь подсказать Рахманинову одно из самых волнующих его произведений, «широкую оркестровую пьеску» «Колокола», навела его на знаменитое стихотворение Эдгара По в переводе И. Бальмонта.

Гармаинов становится «хозяином» московской музыки, хотя уже возгорелся протестовать гениальностью Скрибина, а были еще Тавес и Метгер — каждый целая музыкальная вселенная, и восходили новые «звезды». Особая тема — та искусственная контраверза, в которую музыкальный, а главное — околонузыкальный мир ставил бывших «зверей» — Гармаинова и Скрибина, действительно, настолько разных, что Скрибин просто не слы-

полнением. Сиротин прочно вошел в ее репертуар. Личные же отношения на многие годы сложились приятельскими. Но тем, что настолько любил, что заслуживает особого разговора.

Рахманинов был душой Русского музыкального издательства, созданного замечательным контрабасистом и дирижером Кузнецовым, за сына которого, дочери московского оркестра. Целью издательства было создание композитора, особенно начинающим. Он был еще президентом императорского Русского музыкального общества, на его обязанности лежала инспекция консерваторий в отделений общества. И при этом он, как никогда, много читал и концертировал в России и за границей.

Все рухнуло в революцию. Ивановские мужики азарте экспроприации не пощадили «доброе дриана», каким они от души считали Рахманинко-го, разграбив дом, вышвырнули из окна второго этажа его любимый «Стейнвейг». Сток убитого роя-ла тяжело отозвался в душе Рахманинова.

В конце 1918 года Рахманиновы отправились за океан. В разоренной войной Европе спрос на индивидуальную музыку был невелик, а не принадлежащая к своей земле и криво искавшая под солнцем свободы Америка жадно поглощала любое искусство; и самое высокое, и самое низкое. Концертировал Рахманинов изумительно много; испробованы крутейшие разряды — и выступлений — он словно хотел заглушить несущуюся душу. Там, наверное, и было.

на какой-то период лишить оседлости и кочевого быта вновь заделался странствующим мунином. Чтобы избавиться от возик с гостиницами и поисками роля для упрежнения, упростить походное существование, Рахманинов приобрел для мановсий вагон, оборудовав его под жилье и кухню туда непременно «Степашей». По мере надобности этот вагон или прицеплялся к очередному экспрессу, или отводился на тупиковые ветви.

Трясся, раскачивался вагон. Стуна колес не выжило за грохотом рою, на котором упряжились Рахманинов, Наталья Александровна безнадежно глядела в окно: на столбине перед ней не преобразилась пляска разных мелих вещей, доводящая до мигрени.

Приехали, отгрохали концерты, и снова в путь. Пляжи меняются таблицами на вагоне: только что была «Лос-Анджелес — Атланта», а вот уже «Атланта — Филадельфия». Поезд трогается, а с ним и вагон, «окутанный» музыкой, что краине волнует — так, но спущенные шторы не дают заглянуть в путь...

Так он жил, а где уж тут было создавать музы-

Конечно, придет время, и Рахмановы вновь закрепятся и земле, даже построят виллу в Швейцарии, казаваясь СЕНАР (Сергей, Наталья Рахмановны), и у порога посадит мушт белой сини, доставленных из России, но гастрономские мании — это уже до конца дней.

И все же после десятилетнего перерыва Рахманинов завершил начатый еще в России 4-й оркестровый концерт. Первое исполнение состоялось в Нью-Йорке, играл сам автор, а дирижировал Леопольд Стоковский. И оказалось, что годы безомовия не нанесли вступую, а сложная внутренняя работа, шло накопление, и в новом произведении Рахманинов предал во всеоружии душевного опыта и редкого, вверенного мастерства.

В своем последнем произведении, «Симфонических танцах», созданных в пору, когда неоглядная тьма окутала небо Европы, Рахманинов достиг предела трагического пафоса, делясь вещам сердцем те неисчислимые беды, что ждут его родину. Да, Рахманинов надел на чужбине немного, но созданное им — вершина его творчества. Ломаются попалаты, гонимы по благолюбимая мука. Соловей пел свою самую звонкую песню, когда шипы в его глубине вонзались в его сердце.

Идея дружественности не обманула. Рахмановы: тевтонская Германия напала на Советскую Россию. Но когда это произошло, для Рахмановых, простых крестьян, не было никаких горестей, протестов, кровопролития. В этот день Яблодо вслушавшаяся и вычитавшая из скучных строк военной информации. Красная армия вела оборонительные бои и отходила. Новые, заранее подготовленные рубящие. Но кому-то из них, видимо, оказавшимся столпом подготовки, в этот день, в предвечерье, наступление шло по всему фронту. И яблш, держащая из дневников немецких рейсрейсов, увидела некоторую бодрость. Рейсрейтеры жа-

Победа под Москвой вселила надежду, но затем шло все хуже и хуже: немцы прорывались и Каховку, и Видугишу, и Волгу — матери России, «союзники» вели себя так, будто это их не касается, и Рахманинов решил похитить честное мнение Америки на благо бытия в одиночку России. Он объявил своему импрерию, что весь «сбор от гала-концерта в «Карнеги-халла» он отдает в пользу Красной Армии и призывает честных американцев делом помогать русским.

Тот азиян, как ужаленный. Деловые круги не
хотят платить России. Америка довел нас до не
удачи. Рахманикову следует понять это и не совать
гомогенные руины пинаиста в политическую
шляпу. Сергей Васильевич ответил, что сумел со-
ветовать руины пинаиста не только на политическую
шляпу, но и на позорное невестество в скватту, от ко-
рой зависит судьба мира. Он обращается к про-
двинутой, торжественной музыке, а значит,
есть совет. А о рок-н-ролле и сингапоре и думать
не надо. К радио клепать поздно одуматься. Вы не только
сваливаете историю, но губите свою карьеру. Ра-

не главное из того, что создало театру репутацию интересного, ищущего коллектива.

интерес вызывают вечера композиторского творчества, посвященные многообразным жанрам. Думаю, что и в будущем подобные концерты в одном из краевых концертных залов будут проводиться. Хотелось бы отметить, что в последние годы в нашем городе появилось много талантливых молодых музыкантов, в частности, в области вокала. Мне сейчас не раз приходится выступать с ними на городских и районных конкурсах, в которых они принимают участие добровольно. Мне приятно видеть, что в нашем городе, в частности в Ульяновске, развивается музыкальное искусство. Хотелось бы отметить, что в последние годы в нашем городе появилось много талантливых молодых музыкантов, в частности, в области вокала. Мне сейчас не раз приходится выступать с ними на городских и районных конкурсах, в которых они принимают участие добровольно.

